

ЗАПИСКИ ГРАФИНИ В. Н. ГОЛОВИНОЙ [1].

(1766—1870).

III.

Праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ.—Смерть Потемкина и заключеніе мира съ Турціей.—Назначеніе графа Головина гофмаршаломъ при дворѣ векикаго князя Александра Павловича.—Пріѣздъ въ Россію принцессы Баденской Луизы, невѣсты великаго князя.—Ея характеристика.—Польская депутація.—Пребываніе двора въ Царскомъ Селѣ.—Характеристика императрицы Екатерины.



ПРІѢХАЛА въ Петербургъ, въ январѣ, прямо къ моей матери, которая была счастлива, что могла обнять меня. Мой дядя и моя свекровь [2]) встрѣтили меня очень нѣжно; моя дочь была совершенно здорова, и я была несказанно рада.

Черезъ нѣсколько дней я отправилась ко двору. Государыня и великая княгиня встрѣтили меня съ большой добротой; я попрежнему сохранила право входа на эрмитажныя собранія; однимъ словомъ я снова повела свой обычный образъ жизни. Княгиня Долгорукая вернулась въ Петербургъ въ февралѣ, князь Потемкинъ въ мартѣ. Крѣпость Измаилъ была взята приступомъ [3]); кампанія была кончена. Князь устроивалъ для двора и народа празднества, одно роскошнѣе другого, но ни одно изъ нихъ не было такъ оригинально и изящно, какъ балъ, данный имъ въ Таврическомъ дворцѣ. Балъ

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXV, стр. 39.

[2]) Графиня Анастасія Степановна Головина, урожденная Лопухина, вдова тайн. совѣтн. графа Николая Александровича Головина.

[3]) 11 декабря 1790 г.

былъ устроенъ въ огромной молдавской залѣ, которая была окружена двумя рядами колоннъ. Два портика раздѣляли залу на двѣ части; между двумя портиками устроенъ зимній садъ, великолѣпно освѣщенный скрытыми фонариками. Цвѣтовъ и деревьевъ было изобиліе. Зала освѣщалась главнымъ образомъ изъ плафона въ ротондѣ, въ серединѣ помѣщенъ былъ вензель императрицы изъ стразовъ. Этотъ вензель, освѣщенный скрытымъ фонаремъ, горѣлъ ослѣпительнымъ свѣтомъ... Балъ открылся кадрилью, по крайней мѣрѣ, въ 50 паръ; эта кадриль была составлена изъ самыхъ выдающихся лицъ. Присутствіе государыни немало способствовало очарованію этого праздника [1]).

Пребываніе князя Потемкина въ столицѣ продолжалось только два мѣсяца. Онъ позволилъ моему мужу оставаться въ Петербургѣ до возобновленія военныхъ дѣйствій; надѣялись, что дѣло окончится миромъ. Наканунѣ его отъѣзда я вмѣстѣ съ нимъ ужинала у его племянницы, г-жи Потемкиной, теперь княгини Юсуповой [2]). Онъ простился со мной самымъ трогательнымъ образомъ, повторяя мнѣ тысячу разъ, что онъ никогда не забудетъ меня, и убѣдительно просилъ помнить о немъ. Затѣмъ онъ просилъ меня немного пожалѣть о немъ, такъ какъ онъ уѣзжалъ умирать: у него было самое ясное предчувствіе о смерти. Дѣйствительно, онъ заболѣлъ въ Яссахъ и умеръ, спустя нѣсколько дней, въ степи, куда онъ приказалъ перенести себя [3]).

Мой мужъ въ то время находился въ арміи уже больше мѣсяца. Для переговоровъ о мирѣ послали князя Безбородко [4]). Ни одинъ офицеръ не имѣлъ права уѣхать изъ арміи, но я все-таки рѣшилась написать князю просьбу дать моему мужу отпускъ, который онъ и получилъ. Вскорѣ послѣ этого былъ заключенъ миръ [5]). Но, недолго спустя, началась война съ Польшей. Мой мужъ долженъ былъ отправляться въ армію, а я слѣдовать за нимъ. Моя мать и свекровь были очень огорчены этой новой предстоявшей разлукой, которая и меня немало смущала, какъ вдругъ однажды вечеромъ приходитъ ко мнѣ графъ Морковъ [6]) и сообщаетъ, что государыня занята составленіемъ двора для своего внука, великаго князя Александра, и что мой мужъ будетъ назначенъ гофмаршаломъ. Эта новость вызвала

---

[1]) Праздникъ данъ былъ 28-го апрѣля 1791 г.

[2]) Княгиня Татьяна Васильевна Юсупова, урожденная Энгельгардтъ, любимая племянница Потемкина, въ первомъ бракѣ была за его родственникомъ Михаиломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ.

[3]) Потемкинъ умеръ 5 октября 1791 г. въ степи, на дорогѣ изъ Яссъ въ Николаевъ, куда онъ ѣхалъ, чувствуя приближеніе смерти.

[4]) Графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, р. 1747 г., ум. 1799 г. Княжеское достоинство Безбородко получилъ лишь въ царствованіе Павла.

[5]) 25-го декабря 1792 г. въ Яссахъ.

[6]) Графъ Аркадій Ивановичъ Морковъ, конфидентъ Зубова.

всеобщую радость въ нашей семьѣ тѣмъ болѣе, что государыня отзывалась о моемъ мужѣ самымъ лестнымъ образомъ. Былъ апрѣль мѣсяцъ. 21-го, праздновался день рожденія императрицы, а также назначеніе должностныхъ лицъ при дворѣ великаго князя Александра. Я ждала этого дня съ большимъ нетерпѣніемъ, наконецъ онъ насталъ. Другъ моего мужа, Растопчинъ [1]), зашелъ къ намъ передъ отправленіемъ ко двору, чтобы сказать мнѣ, что онъ непремѣнно первый увѣдомитъ меня объ этой новости. У него былъ горбатый жокей англичанинъ; онъ приказалъ ему ждать верхомъ около дворца у назначеннаго окна, и какъ только Растопчинъ махнетъ изъ окна платкомъ, чтобы онъ тотчасъ во всю прыть поскакалъ къ намъ со слѣдующей запиской:

Quand le petit bossu
Sera aperçu,
Qu'on entende un cri général:
Vive monsieur le maréchal.

Вскорѣ заговорили о женитьбѣ великаго князя Александра на принцессѣ Луизѣ Баденской [2]). Императрица отправила графиню Шувалову [3]) и г. Стрекалова [4]) къ двору маркграфа Баденскаго просить наслѣдныхъ принца и принцессу, чтобы ихъ дочь, принцесса Луиза, совершила путешествіе въ Россію.

31-го октября 1792 года, принцесса Луиза пріѣхала въ Россію въ сопровожденіи своей сестры, принцессы Фредерики, будущей шведской королевы. Принцессѣ Луизѣ было 13 съ половиной лѣтъ, ея сестра была годомъ моложе ея. Ихъ пріѣздъ произвелъ большую сенсацію. Дамы, имѣющія входъ во дворецъ и въ Эрмитажъ, были имъ представлены особо. Я не находилась въ ихъ числѣ; я только что оправилась отъ серьезной болѣзни, послѣ потери второй дочери, которая жила всего пять мѣсяцевъ, и увидѣла принцессъ двумя недѣлями позже, чѣмъ остальныя дамы. Я имѣла честь представиться имъ въ Шепелевскомъ дворцѣ, гдѣ имъ были отведены аппартаменты; дворецъ этотъ находился рядомъ съ Эрмитажемъ [5]). Мнѣ бросилась въ глаза прелесть и грація принцессы Луизы; такое впечатлѣніе произвела она и на всѣхъ, которые ее видѣли до меня.

---

[1]) Өедоръ Васильевичъ Растопчинъ, бывшій въ то время камергеромъ при дворѣ великаго князя Павла Петровича, род. 1763 г., умеръ 1826 года. Растопчинъ былъ любимцемъ Павла и графское достоинство получилъ въ его царствованіе.

[2]) Принцеса Луиза, впослѣдствіи императрица Елизавета, род. 1779 г.

[3]) Екатерина Петровна, урожденная графиня Салтыкова (род. 1743 г., ум. 1816 г.), была въ это время уже вдовою послѣ мужа своего, дѣйств. тайнаго сов., графа Андрея Петровича Шувалова, извѣстнаго писателя (ум. 1789 г.), въ статсъ-дамы пожалована была въ 1792 г.

[4]) Степанъ Өедоровичъ Стрекаловъ (род. 1728 г., ум. 1805 г.), статсъ-секретарь Екатерины II, тайн. сов., сенаторъ.

[5]) На томъ мѣстѣ, гдѣ находится Новый Эрмитажъ.

Я къ ней особенно привязалась; ея молодость и мягкость внушали мнѣ живое участіе къ ней и родъ страха, отъ котораго я не могла отдѣлаться: я знала графиню Шувалову, которая была моей родственницей, и ея безнравственность, а также склонный къ интригамъ характеръ, заставляли меня опасаться за будущее. Назначая меня къ особѣ принцессы, императрица, казалось, желала дать мнѣ право выражать ей искреннюю свою привязанность, которая не могла имѣть оффиціальнаго характера.

Я передамъ здѣсь все, что принцесса Луиза, теперь императрица Елисавета, сообщила мнѣ сама о своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ.

«Мы пріѣхали съ сестрой Фредерикой», разсказывала она, «между восемью и девятью часами вечера. Въ Стрѣльнѣ, послѣдней станціи передъ Петербургомъ, насъ встрѣтилъ г. Салтыковъ [1]), камергеръ, котораго государыня назначила дежурить при насъ и прислала его намъ навстрѣчу, чтобы поздравить насъ съ пріѣздомъ. Графиня Шувалова и г. Стрекаловъ сѣли къ намъ въ экипажъ. Всѣ эти приготовленія для момента, самаго интереснаго въ моей жизни, всю важность котораго я уже чувствовала, возбудили во мнѣ большое волненіе, и когда, при въѣздѣ въ городскія ворота, мои спутники воскликнули: «вотъ мы въ Петербургѣ», то, пользуясь темнотой, я быстро взяла руку сестры, и, по мѣрѣ приближенія, мы все больше и больше сжимали свои руки: этимъ нѣмымъ языкомъ мы выражали чувства, волновавшія нашу душу.

«Мы остановились въ Шепелевскомъ дворцѣ. Я вбѣжала по ступенькамъ большой прекрасно освѣщенной лѣстницы. У графини Шуваловой и г. Стрекалова ноги были слабы, и потому они остались далеко позади. Г. Салтыковъ былъ со мной, но онъ остался въ передней; я пробѣгала всѣ комнаты, не останавливаясь, наконецъ я вошла въ спальню, убранную мебелью малиноваго цвѣта. Войдя я увидѣла двухъ дамъ съ господиномъ; быстрѣе молніи у меня промелькнуло соображеніе: «я въ Петербургѣ у императрицы; конечно, это она меня встрѣчаетъ, это навѣрно она», и я подошла поцѣловать руку той, которая болѣе другой была похожа на портретъ государыни, составившійся въ моемъ воображеніи; по самому распространенному портрету, который я видѣла нѣсколько лѣтъ спустя, я навѣрно не узнала бы ея такъ скоро. Она была съ княземъ Зубовымъ (въ то время онъ былъ просто г. Платонъ Зубовъ, [2]) и съ графиней Браницкой [3]), племяницей князя Потем-

---

[1]) Александръ Николаевичъ, впослѣдствіи (по отцу) князь, родился 1775 г., умеръ 1837 г.

[2]) Платонъ Александровичъ Зубовъ (род. 1767 г., ум. 1822 г.), любимецъ Екатерины и ея генералъ-адъютантъ, княжеское достоинство получилъ отъ германскаго императора Франца II въ 1796 г.

[3]) Графиня Александра Васильевна, одна изъ четырехъ любимыхъ племянницъ всемогущаго Потемкина. Въ 1781 году вступила въ бракъ съ генераломъ-

кина. Императрица сказала мнѣ, что она была чрезвычайно рада со мною познакомиться. Я ей передала выраженія почтительной преданности отъ моей матери. Въ это время явились моя сестра и графиня Шувалова. Послѣ непродолжительнаго разговора она удалилась, и я вся отдалась волшебному впечатлѣнію, охватившему меня при видѣ всего, окружавшаго меня. Ничто не производило на меня такого впечатлѣнія, какъ дворъ Екатерины, когда я увидѣла его въ первый разъ.

«На третій день послѣ нашего пріѣзда, весь день былъ посвященъ уборкѣ нашихъ волосъ по модѣ двора и примѣркѣ русскаго платья: мы должны были быть представлены великому князю-отцу и великой княгинѣ. Я въ первый въ жизни была въ фижмахъ и съ напудренной прической.

«Вечеромъ, въ 6 или 7 часовъ, насъ повели къ великому князю-отцу, который принялъ насъ очень хорошо; великая княгиня осыпала меня ласками, говорила со мной о моей матери, о всей моей семьѣ, говорила, какъ мнѣ должно было быть тяжело разставаться съ ними. Этимъ обращеніемъ она вполнѣ покорила мое сердце, и не моя вина, если эта моя привязанность къ великой княгинѣ не обратилась навсегда въ любовь дочери къ уважаемой матери. Насъ усадили, великій князь послалъ за молодыми великими князьями и великими княжнами. Я, какъ сейчасъ, вижу, какъ они входятъ. Я слѣдила за великимъ княземъ Александромъ со вниманіемъ настолько, насколько это позволяло приличіе. Онъ былъ очень красивъ, но не такъ однако, какъ мнѣ его описывали. Онъ не подходилъ ко мнѣ и смотрѣлъ на меня довольно непріязненно. Послѣ посѣщенія ихъ высочествъ, мы пошли къ императрицѣ, сидѣвшей уже за партіей бостона въ брилліантовой комнатѣ. Насъ усадили за круглый столъ съ графиней Шуваловой, съ дежурными фрейлинами и камеръ-юнкерами. Молодые великіе князья пришли вскорѣ за нами; великій князь Александръ до конца вечера не сказалъ мнѣ ни слова, не подошелъ ко мнѣ ни разу, даже избѣгалъ меня, но понемногу онъ сдѣлался по отношенію ко мнѣ обходительнѣе. Маленькія собранія въ Эрмитажѣ въ очень тѣсномъ кружкѣ, вечера, проводимые вмѣстѣ у круглаго стола въ брилліантовой комнатѣ, гдѣ мы играли въ секретари или разсматривали эстампы, все это привело понемногу къ сближенію. Однажды, вечеромъ, приблизительно черезъ 6 недѣль спустя послѣ моего пріѣзда (за круглымъ столомъ въ брилліантовой комнатѣ, гдѣ мы рисовали вмѣстѣ съ остальнымъ обществомъ), великій князь потихоньку отъ другихъ передалъ мнѣ письмо, въ видѣ объясненія, которое онъ только что написалъ; онъ писалъ, что, по приказанію родителей, онъ мнѣ сообщаетъ о томъ, что онъ меня любитъ, и спрашивалъ, могу ли я отвѣчать на его чувства, и можетъ ли онъ надѣяться,

---

аншефомъ Ксаверіемъ Браницкимъ и тогда же пожалована была статсъ-дамой, а въ 1824 г.—оберъ-гофмейстериной, род. 1754 г., ум. 1838 г.

что я буду счастлива, выйдя за него замужъ. Я тоже на клочкѣ бумажки отвѣтила ему въ утвердительномъ смыслѣ, прибавивъ, что я исполню желаніе моихъ родителей, приславшихъ меня сюда. Съ этого момента на насъ уже смотрѣли, какъ на жениха и невѣсту, и мнѣ дали учителя русскаго языка и Закона Божія».

На другой день послѣ представленія принцессы великому князю-отцу, императрица принимала въ торжественной аудіенціи польскихъ депутатовъ: графа Браницкаго, Ржевусскаго, Потоцкаго, вожаковъ партіи, желавшей установленія наслѣдственности польской короны. Они просили государыню взять Польшу подъ свое покровительство. Это была первая публичная церемонія, на которой присутствовала принцесса Луиза. Императрица сидѣла на тронѣ, въ залѣ, называемой тронной. Публика наполняла залу, и народъ толпился у входа въ кавалергардской залѣ. Графъ Браницкій говорилъ рѣчь на польскомъ языкѣ, вице-канцлеръ отвѣчалъ ему порусски, стоя на ступеняхъ трона. Когда церемонія кончилась, государыня удалилась въ свои аппартаменты. Принцесса Луиза слѣдовала за нею, но въ то время, какъ она обходила тронъ, она задѣла ногой за нить и золотую бахрому бархатнаго ковра, разложеннаго вокругъ трона. Она пошатнулась и навѣрное бы упала, еслибъ г. Платонъ Зубовъ ея не поддержалъ. Это смутило и привело въ отчаяніе принцессу тѣмъ болѣе, что она въ первый разъ появлялась въ публикѣ. Нашлись странные люди, которые объясняли это маленькое приключеніе, какъ дурное предзнаменованіе. У нихъ не явилось мысли одной августѣйшей особы, напомнившей, что подобному случаю Цезарь нашелъ счастливое объясненіе: высаживаясь на берегу Африки для преслѣдованія остатковъ республиканской арміи, онъ упалъ въ то время, какъ вступалъ на африканскую землю: «Африка, я овладѣваю тобой», воскликнулъ онъ, истолковавъ такимъ образомъ въ свою пользу то, что другіе могли бы объяснить въ дурную сторону.

Я приближаюсь къ самому интересному періоду моей жизни: новое и величественное зрѣлище открывалось передъ моими глазами; блестящій и величественный дворъ, великая государыня, которая меня видимо приближала къ той, которая внушала мнѣ привязанность, перенесшую всякія испытанія. Чѣмъ больше я имѣла честь видѣть принцессу Луизу, тѣмъ болѣе охватывало меня чувство безпредѣльной привязанности къ ней. Несмотря на ея молодость, мое къ ней участіе не ускользнуло отъ ея вниманія; я съ радостію это замѣтила. Въ началѣ мая, дворъ переѣхалъ въ Царское Село. На другой день, послѣ пріѣзда, ея величество приказала моему мужу, чтобы я также переѣхала въ Царское Село на все лѣто. Это приказаніе привело меня въ восторгъ; я тотчасъ выѣхала, чтобъ быть тамъ до вечерняго собранія, которое устроивала у себя императрица. Переодѣвшись, я сейчасъ же отправилась во дворецъ, чтобы представиться госуда-

рынѣ. Она вышла въ 6 часовъ, обошлась со мной съ большой добротой и сказала: «я очень довольна, что вы теперь наша; будьте съ сегодняшняго дня madame la grosse maréchalle [1]), чтобы имѣть болѣе внушительный видъ». Я постараюсь дать нѣкоторое понятіе о лицахъ, которымъ императрица разрѣшила жить въ Царскомъ Селѣ и допускала въ свой домашній кружокъ, но, прежде чѣмъ набросать ихъ портреты, я желала бы нарисовать образъ этой государыни, которая впродолженіе тридцати слишкомъ лѣтъ составляла счастье всей Россіи.

Потомство судитъ и будетъ судить Екатерину Вторую со всѣми ея страстями, свойственными человѣчеству. Новая философія, подъ вліяніе которой она, къ сожалѣнію, подпала и которая въ сущности являлась причиной (le principe) всѣхъ ея недостатковъ, густой завѣсой покрывала всѣ ея прекрасныя, высокія качества. Но я думаю, что справедливость требуетъ обратиться къ зарѣ ея жизни, прежде чѣмъ осуждать ее и затемнять ея славу и свойства невыразимой ея доброты.

Императрица Екатерина воспитывалась при дворѣ своего отца, принца Ангальтскаго, невѣжественной и плохо воспитанной гувернанткой, которая едва могла научить ее читать. Родители не внушили ей прочныхъ основъ нравственности и не дали ей надлежащаго воспитанія. Въ Россію ее привезли 17 лѣтъ; она была красива, исполнена граціи, ума, съ душой и геніемъ, желаніемъ нравиться и обогатить себя знаніями. Ее выдаютъ за принца Голштинскаго, тогда бывшаго уже великимъ княземъ, назначеннымъ наслѣдовать императрицѣ Елисаветѣ, его теткѣ. Онъ былъ некрасивъ собой, слабаго характера, маленькаго роста, худой, развратный, пьяница. Дворъ Елисаветы представлялъ картину испорченности, которой сама императрица подавала примѣръ. Минихъ [2]), умный человѣкъ, былъ первый, разгадавшій Екатерину: онъ предложилъ ей заняться своимъ образованіемъ. Это предложеніе было ею принято съ радостью. На первый разъ онъ далъ ей для чтенія «Словарь» Бейля, сочиненіе опасное и соблазнительное, особенно для нея, такъ какъ она никогда не имѣла никакого понятія о Божественной истинѣ, уничтожающей ложь [3]). Екатерина прочитала этотъ трудъ три раза сряду въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; онъ возбудилъ ея воображеніе и впослѣдствіи побудилъ ее вступить въ сношенія со всѣми современными софистами. Таково было настроеніе ума этой принцессы, когда она стала супругой императора, все честолюбіе котораго ограничи-

---

[1]) Прозваніе это дали мнѣ потому, что мужъ мой былъ немного толстъ. Примѣчаніе гр. В. Н. Головиной.

[2]) Сынъ знаменитаго фельдмаршала, Іоганнъ Эрнстъ, бывшій впослѣдствіи президентъ коммерцъ-коллегіи, писатель, авторъ «Записокъ», р. 1707 г., ум. 1788 г.

[3]) Всѣ эти подробности я слышала отъ дяди, графа Шувалова, которому государыня сама разсказывала. Примѣчаніе графини В. Н. Головиной.

валось желаніемъ стать капраломъ въ арміи Фридриха Великаго. Въ управленіи государствомъ замѣтна была слабость; Екатерина страдала; ея великія и благородныя идеи, казалось, преодолѣвали всѣ препятствія, возникавшія на пути къ ея возвышенію; все ея существо было возмущено развращенностью Петра III и презрѣніемъ, которое онъ выражалъ своимъ подданнымъ; всеобщее возстаніе было неминуемымъ, всѣ желали установленія регентства.

Такъ какъ императрица имѣла уже десятилѣтняго сына, впослѣдствіи императора Павла I, то было рѣшено отправить Петра III въ Голштинію; князю Орлову и его брату, графу Алексѣю, пользовавшемуся въ то время милостью императрицы, было поручено увезти его. Въ Кронштадтѣ было приготовлено нѣсколько кораблей; Петръ долженъ былъ отправиться съ баталіономъ, который онъ самъ вызвалъ изъ Голштиніи. Послѣднюю ночь передъ отъѣздомъ онъ долженъ былъ провести въ Ропшѣ, недалеко отъ Ораніенбаума. Я не стану входить въ подробности этого трагическаго событія, о немъ слишкомъ много говорили, не понимая его причинъ, но для возстановленія истины я приведу здѣсь достовѣрное свидѣтельство, слышанное мной отъ министра, графа Панина [1]). Его свидѣтельство тѣмъ болѣе неопровержимо, что всѣмъ извѣстно, что онъ не былъ особенно привязанъ къ императрицѣ: какъ воспитатель Павла, онъ надѣялся взять въ свои руки бразды правленія во время регентства женщины, но его ожиданія не сбылись. Энергія, съ которой Екатерина захватила власть, обманула его честолюбивые замыслы, и онъ всю свою жизнь не забывалъ ей этого. Однажды, вечеромъ, когда мы были у него вмѣстѣ съ его родственниками и друзьями, онъ разсказывалъ намъ множество интересныхъ анекдотовъ и незамѣтно дошелъ до кончины Петра III. «Я находился въ кабинетѣ у ея величества, когда князь Орловъ явился доложить ей, что все кончено. Она стояла въ срединѣ комнаты, слово: кончено, поразило ее. «Онъ уѣхалъ?»—спросила она сначала, но, услыхавъ печальную новость, она упала въ обморокъ. Охватившее ее затѣмъ волненіе было такъ сильно, что одно время мы опасались за ея жизнь. Придя въ себя послѣ этого тяжелаго состоянія, она залилась горькими слезами: «моя слава потеряна!»—воскликнула она. Надежда на милость императрицы заглушала въ Орловыхъ всякое чувство, кромѣ одного безмѣрнаго честолюбія; они думали, что, по кончинѣ Петра, князь Орловъ займетъ его мѣсто и заставитъ государыню короновать себя [2]).

Невозможно описать всѣхъ заботъ Екатерины о своемъ государствѣ. Она была честолюбива, но она покрыла Россію славой. Ея

---

[1]) Воспитатель царевича Павла Петровича, гр. Никита Ивановичъ Панинъ, одинъ изъ пособниковъ Етатерины при восшествіи ея на престолъ (р. 1718, ум. 1783 г.).

[2]) Въ общемъ разсказъ Головиной совпадаетъ съ разсказами очевидцевъ о переворотѣ, возведшемъ Екатерину на престолъ.

материнская заботливость распространялась на всѣхъ, до послѣдняго человѣка. Личные интересы каждаго изъ ея подданныхъ трогали ея сердце. Ничего не могло быть величественнѣе, внушительнѣе, снисходительнѣе Екатерины. Какъ только она показывалась, всякій страхъ исчезалъ въ ея присутствіи, уступая мѣсто почтительности и полной преданности. Всякій, казалось, говорилъ: «я вижу ее, и я счастливъ. Она—моя опора, моя мать». Садясь за карточную свою партію, она бросала взглядъ вокругъ, чтобы видѣть, всѣ ли заняты. Ея вниманіе къ окружающимъ простиралось до того, что она сама спускала стору, когда солнце безпокоило кого нибудь. Обыкновенно ея партія въ бостонъ состояла изъ дежурнаго генералъ-адъютанта, графа Строганова [1]), старика камергера Черткова, котораго она очень любила [2]); мой дядя, оберъ-камергеръ Шуваловъ, также участвовалъ иногда въ партіи, когда онъ присутствовалъ; Платонъ Зубовъ—также. Вечеръ этотъ продолжался до 9 или 9½ часовъ.

Я помню, какъ однажды Чертковъ, плохой игрокъ, вспылилъ на императрицу, которая пропустила взятку. Онъ бросилъ карту на столъ, это оскорбило государыню; она ничего не сказала, но перестала играть. Это произошло къ концу вечера, она встала и простилась съ нами. Чертковъ стоялъ пораженный. Слѣдующій день было воскресенье; въ этотъ день былъ большой обѣдъ для всѣхъ, занимавшихъ высшія государственныя должности. Великій князь Павелъ и великая княгиня также пріѣзжали изъ Павловскаго дворца, въ 4 верстахъ отъ Царскаго Села, въ которомъ они жили. Когда они не пріѣзжали, то обѣдъ происходилъ въ колоннадѣ. Я имѣла честь присутствовать на этихъ обѣдахъ. Послѣ обѣдни и обычнаго пріема, когда императрица удалялась, гофмаршалъ, князь Барятинскій [3]), называлъ тѣ лица, которыя должны были обѣдать съ ней. Чертковъ, имѣвшій право входа во всѣ малыя собранія, стоялъ въ углу, внѣ себя отъ горести отъ вчерашней сцены. Онъ какъ будто не рѣшался поднять глазъ на того, кто долженъ былъ произнести его приговоръ, но каково было его удивленіе, когда онъ услышалъ свою фамилію! Онъ не шелъ, а бѣжалъ. Мы подходили къ колоннадѣ, ея величество сидитъ въ концѣ колоннады. Она встаетъ, беретъ Черткова за руку, чтобы идти къ столу, но онъ не могъ выговорить ни слова. Придя опять къ тому мѣсту, гдѣ она его взяла, она сказала ему порусски: «какъ вамъ не стыдно думать, что я буду сердиться на васъ. Развѣ вы забыли, что милые бранятся—только тѣшатся?» Никогда я не видѣла человѣка въ такомъ состояніи

[1]) Гр. Александра Сергѣевича, см. выше.

[2]) Чертковъ, Евграфъ Александровичъ, д. т. с., одинъ изъ пособниковъ Екатерины при ея вступленіи на престолъ, ум. 1797 г.

[3]) Кн. Өедоръ Сергѣевичъ (р. 1742, ум. 1814), оберъ-гофмаршалъ.

въ какомъ находился этотъ старикъ; онъ разрыдался и повторялъ безъ конца: «охъ, матушка моя, какъ мнѣ говорить съ тобой, какъ отвѣчать на твою доброту, все бы хотѣлъ умирать за тебя». Это обращенiе на «ты» очень выразительно на русскомъ языкѣ и вовсе не ослабляетъ почтительности въ разговорѣ.

Во время вечеровъ у государыни въ Царскомъ Селѣ, у стола императрицы стоялъ круглый столъ, за которымъ сидѣла принцесса Луиза, уже невѣста великаго князя, между своей сестрой и мной. Дѣвица Шувалова [1]), впослѣдствiи княгиня Дитрихштейнъ, и племянницы графини Протасовой [2]) замыкали кружокъ, образовавшiйся около принцессы. Великiе князья то приходили, то уходили. Императрица приказывала принести намъ карандашей, бумаги и перьевъ. Мы рисовали или играли въ секретаря; ея величество освѣдомлялась нѣсколько разъ о ходѣ нашей игры и очень забавлялась ею. Шувалова играла партiю съ г-жей Протасовой, дежурными камеръ-юнкерами, иногда съ графиней Браницкой, прiѣзжавшей время отъ времени въ Царское Село.

Дворецъ въ Царскомъ Селѣ былъ выстроенъ государыней Елисаветой. Онъ обширенъ и очень красивъ, хотя построенъ въ готическомъ стилѣ. Императрица Екатерина прибавила для себя отдѣльную пристройку въ болѣе изящномъ вкусѣ. Она находится въ концѣ нѣсколькихъ зеркальныхъ и позолоченныхъ залъ, отдѣляющихъ ея аппартаменты отъ помѣщенiя, гдѣ жилъ великiй князь Павелъ, за ними находятся хоры, гдѣ государыня слушала обѣдню вмѣстѣ съ императорской фамилiей и придворными дамами. Первый залъ этого новаго строенiя былъ украшенъ живописью; за нимъ слѣдуетъ другой, потолки и стѣны котораго были украшены ляписъ-лазурью, а полъ паркетный, наполовину изъ краснаго дерева, наполовину изъ перламутра. Затѣмъ идетъ большой кабинетъ, за которымъ слѣдуетъ залъ, отдѣланный китайскимъ лакомъ. Налѣво спальня, очень маленькая, но очень красивая, и кабинетъ въ зеркалахъ, отдѣленные другъ отъ друга пано изъ очень красиваго дерева. Этотъ маленькiй кабинетъ служитъ входомъ въ колоннаду, которая видна въ перспективѣ въ дверяхъ кабинета. На террасѣ,

---

[1]) Вторая дочь графини Шуваловой, Екатерины Петровны, статсъ-дамы, и гр. Андрея Петровича, графиня Александра Андреевна, р. 1775 г., вступила въ бракъ съ австрiйскимъ посланникомъ, кн. Дитрихштейномъ, въ 1797 г.

[2]) Графиня Анна Степановна Протасова, любимая камеръ-фрейлина императрицы Екатерины (р. 1754, ум. 1801 г.). Она воспитывала жившихъ при ней въ Зимнемъ дворцѣ пять сиротъ, дочерей брата своего, д. т. с. Петра Степановича Протасова: 1) Александру Петровну (р. 1774 г., ум. 1842 г.), въ замужествѣ за т. с. княземъ Алексѣемъ Андр. Голицынымъ; 2) Екатерину Петровну (р. 1775 г., ум. 1826 г.), въ замужествѣ за гр. Ѳед. Вас. Растопчинымъ; 3) Варвару Петровну, умершую въ дѣвицахъ; 4) Вѣру Петровну (ум. 1814 г.), въ замужествѣ за Иларiономъ Вас. Васильчиковымъ, впослѣдствiи княземъ, и 5) Анну Петровну, бывшую потомъ за гр. Варѳ. Вас. Толстымъ.

отъ которой начинается колоннада, находится обитый зеленымъ сафьяномъ диванъ и столъ. Здѣсь рано утромъ ея величество занималась. Вся эта пристройка, очень просто отдѣланная, находится возлѣ небольшой стѣны, которая выдается впередъ. Обойдя ее, встрѣчаютъ слѣва прекрасный цвѣтникъ, усѣянный самыми красивыми и благоухающими цвѣтами. Съ этой стороны терраса оканчивается роскошными залами. Направо гранитная рѣшетка идетъ до самаго сада; она украшена бронзовыми статуями, вылитыми въ античномъ вкусѣ въ Императорской Академіи Художествъ. Колоннада представляетъ собою стеклянную галлерею съ мраморнымъ поломъ, вокругъ которой идетъ другая открытая галлерея съ колоннами, поддерживающими крышу, откуда открывается обширный видъ во всѣ стороны. Крыша эта возвышается надъ двумя садами: старымъ, обыкновеннымъ садомъ, старыя липы котораго осѣняютъ маленькія комнаты террасы, и англійскимъ садомъ, съ прелестнымъ озеромъ посрединѣ. Это прекрасное жилище, обитаемое той, которая обладала всѣмъ, чтобы нравиться и привязывать къ себѣ, представляло нѣчто волшебное. У императрицы былъ особенный даръ облагораживать все окружающее, она давала смыслъ всему, и самый ограниченный человѣкъ переставалъ быть такимъ возлѣ нея. Въ ея обществѣ всякій былъ доволенъ собой, потому что она умѣла говорить съ каждымъ такъ, чтобы не приводить его въ смущеніе и приноравливаться къ пониманію каждаго.

IV.

Характеристика великаго князя Александра Павловича и его невѣсты.—Великій князь Константинъ Павловичъ.—Приближенныя къ большому двору лица: графиня Шувалова, кн. Платонъ Зубовъ, гр. Строгановъ, И. И. Шуваловъ, Чертковъ, камеръ-фрейлина Протасова.—Бракосочетаніе великаго князя Александра Павловича.—Характеристика великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Θеодоровны.—Пріемъ турецкаго посла.—Свекровь гр. Головиной.—Переѣздъ двора весною 1794 г. въ Царское Село.—Гр. Эстергази, гр. Штакельбергъ, гр. Головкинъ.—Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.

Императрица питала самую горячую привязанность къ своему внуку, великому князю Александру. Онъ былъ красивъ и добръ, но хорошія его качества, которыя тогда замѣчались въ немъ и которыя могли обратиться въ добродѣтели, никогда не развились вполнѣ. Его воспитатель, графъ Салтыковъ [1]), человѣкъ коварный,

[1]) Графъ, впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь (1814 г.), Николай Ивановичъ Салтыковъ (р. 1736 г., ум. 1816 г.), фельдмаршалъ при Павлѣ. По отзывамъ современниковъ, Н. И. Салтыковъ зналъ придворную науку и до тонкости изучилъ главное свое занятіе—выпутываться изъ дворскихъ затрудненій. Умѣлъ одновременно угождать и Екатеринѣ, и Павлу, и Александру, что для обыкновенныхъ людей казалось рѣшительно невозможнымъ.

хитрый, склонный къ интригамъ, безпрестанно внушалъ ему поведеніе, которое естественно разрушало въ немъ всякую искренность въ характерѣ, заставляя его постоянно обдумывать каждое свое слово и дѣйствіе. Желая примирить императрицу съ ея сыномъ, графъ Салтыковъ вынуждалъ молодого великаго князя съ его добрымъ и прекраснымъ сердцемъ къ вѣчному притворству; иногда сердце великаго князя давало о себѣ знать, но воспитатель тотчасъ заботился о томъ, чтобы уничтожить эти порывы. Онъ внушалъ своему воспитаннику удаляться отъ императрицы и бояться отца; благодаря этому, великій князь испытывалъ постоянную борьбу съ своимъ сердцемъ. Великій князь Павелъ старался развить въ сынѣ вкусъ къ военному дѣлу; онъ заставлялъ Александра и его брата Константина присутствовать два раза въ недѣлю на военныхъ упражненіяхъ въ Павловскѣ, пріучая его къ мелочной и ничтожной тактикѣ, уничтожая въ немъ болѣе широкое пониманіе военнаго дѣла, такъ какъ пониманіе этого не было связано съ мундиромъ по прусскому образцу. Но, несмотря на всѣ эти обстоятельства, которыя легко могли дурно отозваться на человѣкѣ самаго твердаго характера, я должна отдать справедливость моему повелителю, что всепрощеніе такъ же близко его сердцу, какъ далека отъ него тираннія; его нравъ—кроткій и обходительный; въ его разговорѣ чувствуется мягкость и изящество, въ его стилѣ много краснорѣчія, а во всѣхъ прекрасныхъ поступкахъ замѣтна полная скромность.

Принцесса Луиза, ставшая его супругой, соединяла вмѣстѣ съ невыразимою прелестью и граціей во всей фигурѣ замѣчательную для четырнадцатилѣтней дѣвушки выдержку и умѣренность. Во всѣхъ ея дѣйствіяхъ замѣтны были слѣды заботливости уважаемой и любимой матери. Ея тонкій умъ съ замѣчательной быстротой схватывалъ все, что могло служить къ ея украшенію, какъ пчела, собирающая медъ въ самыхъ ядовитыхъ растеніяхъ; ея разговоръ дышалъ всей свѣжестью молодости; но она не была лишена правильности пониманія. Я наслаждалась, слушая ее, изучая эту душу, столь мало похожую на другія: душа эта, совмѣщая въ себѣ всѣ добродѣтели, открыта была для всякихъ опасныхъ вліяній. Ея довѣріе ко мнѣ возростало съ каждымъ днемъ, но оно вполнѣ оправдывалось чувствами, которыя я питала къ ней. Добрая ея слава сдѣлалась для меня оттого еще дороже, еще ближе моему сердцу. Первое лѣто, которое мы провели вмѣстѣ, было только преддверіемъ дружбы, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ. Она мнѣ представлялась прекраснымъ молодымъ растеніемъ, стебли котораго могли бы дать, при хорошемъ за нимъ уходѣ, прекрасные отпрыски, но которому бури и ураганы угрожали пріостановить ихъ дальнѣйшее развитіе. Опасности, все увеличивавшіяся вокругъ нея, удвоили мои заботы о ней. Я часто вспоминала съ сожалѣніемъ о ея матери, единственномъ существѣ, способномъ докончить ея воспитаніе, начатое такъ

хорошо, и бывшемъ живымъ примѣромъ добродѣтели, который могъ бы предохранить ее отъ иллюзій и увлеченій.

Необходимо сказать нѣсколько словъ о великомъ князѣ Константинѣ. Характера онъ вспыльчиваго, но не гордаго; душевныя его движенія — деспотичны, но непослѣдовательны; онъ дѣлаетъ дурные поступки по слабости характера, наказывая только тогда, когда чувствуетъ себя болѣе сильнымъ. Бесѣда съ нимъ была бы пріятна, если бы можно было забыть его сердце; но и у него бываютъ иногда благородныя побужденія: это цикута, служащая въ одно и то же время ядомъ и цѣлительнымъ средствомъ.

Графиня Шувалова, другъ Вольтера и д'Аламбера [1]), пользовалась ихъ доктринами, чтобы оправдывать свои слабости. Она была тонкая интриганка, готовая пожертвовать всѣмъ для Платона Зубова, который былъ въ то время ея идоломъ. Графиня, несмотря на всю изворотливость своего ума, не умѣла скрыть алчности своего характера: она утопала въ богатствѣ и жаловалась на бѣдность.

У Зубова былъ достаточно развитой умъ, хорошая память и музыкальныя способности. Его небрежный и томный видъ носилъ отпечатокъ его безпечнаго и лѣниваго характера.

Графъ Строгановъ былъ очень любезный человѣкъ и добръ до слабости; онъ страстно любилъ искусства. Весь его характеръ былъ построенъ на энтузіазмѣ и порывахъ; онъ поступалъ дурно, увлекаясь, но никогда не по собственному желанію; всегда ровнымъ настроеніемъ духа и веселостью онъ оживлялъ наше общество. Императоръ Павелъ сдѣлалъ его директоромъ Академіи Художествъ. Онъ способствовалъ ея улучшенію. Онъ глубоко любилъ свою родину, не обладая, однако, добродѣтелями, способными сдѣлать его ея опорой.

Мой дядя, оберъ-камергеръ Шуваловъ, былъ воплощенная доброта. Его прекрасная благородная фигура изобличала въ немъ благородную и безкорыстную душу; онъ жертвовалъ половину своихъ доходовъ въ пользу бѣдныхъ. Его привязанность къ императрицѣ доходила до слабости; несмотря на милости, которыми императрица его осыпала, онъ былъ всегда очень скроменъ. Однажды онъ вошелъ къ государынѣ въ то время, когда она играла на билліардѣ съ лицами, принадлежавшими къ ближайшему ея кругу. Государыня, шутя, сдѣлала ему глубокій реверансъ, онъ отвѣтилъ ей тѣмъ же; она улыбнулась, придворные захохотали. Такая неожиданная и дѣланная веселость со стороны ея придворныхъ поразила государыню.

— Господа,—обратилась она къ нимъ,—вѣдь мы съ оберъ-камергеромъ ужъ 40 лѣтъ, какъ друзья, и потому мнѣ можетъ быть дозволено шутить съ нимъ.

---

[1]) Мужъ ея, графъ Андрей Петровичъ, былъ въ сношеніяхъ съ ними и самъ писалъ прекрасные французскіе стихи.

Всѣ замолчали.

Послѣ смерти своей повелительницы мой дядя цѣлый годъ скорбѣлъ о ней [1]).

Г. Чертковъ, прекрасный, добрый, русскій человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова, былъ человѣкъ благородный и здравомыслящій. Государыню онъ обожалъ, онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ея смерти, не будучи въ силахъ перенести этой потери [2]).

Г-жа Протасова, безобразная и черная, какъ королева острововъ Таити, постоянно жила при дворѣ. Она была родственницей князя Орлова [3]) и, благодаря его благосклонности, была пристроена ко двору. Когда она достигла болѣе чѣмъ зрѣлаго возроста и не составила себѣ партіи, ея величество подарила ей свой портретъ и пожаловала въ камеръ-фрейлины. Она принадлежала къ интимному кружку государыни не потому, чтобы она была другомъ императрицы или обладала высокими качествами, а потому, что была бѣдна и ворчлива. Въ ней развито было, однако, чувство благодарности. Императрица, сжалившись надъ ея бѣдностью, пожелала поддержать ее своимъ покровительствомъ: она разрѣшила ей вызвать къ себѣ своихъ племянницъ и заняться ихъ образованіемъ. Она иногда шутила надъ ея воркотней. Однажды, когда Протасова была въ особенно ворчливомъ настроеніи, ея величество, замѣтивъ это, сказала ей:

— Я увѣрена, моя королева,—(она такъ называла ее въ шутку), — что вы сегодня утромъ били свою горничную, и потому вы какъ будто въ дурномъ расположеніи духа. Я, вставъ въ 5 часовъ утра и рѣшивъ дѣла въ пользу однимъ и во вредъ другимъ, оставила въ своемъ кабинетѣ всѣ дурныя впечатлѣнія, всѣ свои безпокойства, и прихожу сюда, моя прекрасная королева, съ самымъ лучшимъ настроеніемъ духа.

Дворъ великаго князя Александра состоялъ изъ оберъ-гофмаршала графа Головина, моего мужа, графа Толстого [4]), камергера Ададурова [5]), князя Хованскаго [6]) и камеръ-юнкера графа Потоцкаго [7]).

Дворъ проводилъ вечеръ у принцессы Луизы, которая со вре-

---

[1]) И. И. Шуваловъ скончался чрезъ годъ по кончинѣ императрицы Екатерины, 14 ноября 1797 г.

[2]) † 23 декабря 1797 г.

[3]) Мать Анны Степановны Протасовой была двоюродной сестрой князя и графовъ Орловыхъ.

[4]) Графъ Николай Александровичъ Толстой (род. 1761 г., † 1816 г.), камергеръ при вел. кн. Александрѣ Павловичѣ, впослѣдствіи оберъ-гофмаршалъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ.

[5]) Камергеръ Алексѣй Ададуровъ, кажется, сынъ д. т. с. Василія Евдокимовича Ададурова (р. 1709 г., ум. 1780 г.), куратора Московскаго университета и бывшаго наставника императрицы Екатерины.

[6]) Прапорщикъ Семеновскаго полка, князь Андрей.

[7]) Графъ Феликсъ Осиповичъ, съ 1795 г. генералъ-майоръ, камергеръ при вел. кн. Александрѣ Павловичѣ съ 1794—1796 г.

мени своего миропомазанія и помолвки получила титулъ великой княжны Елисаветы. Племянницы г-жи Протасовой приходили туда постоянно. Принцесса Фредерика немало способствовала оживленію общества. Она была очень умна и хитра и, несмотря на ея юный возрастъ, выказывала рѣшительность характера. Увы, ея судьба, хотя и блестящая, подвергла ее многимъ испытаніямъ, и корона, возложенная на ея голову, была покрыта шипами [1]). Она уѣхала въ концѣ пребыванія двора въ Царскомъ Селѣ, чтобы вернуться къ своей матери. Сцена разлуки двухъ сестеръ была очень трогательна. Наканунѣ ея отъѣзда, идя къ великой княжнѣ Елисаветѣ, я встрѣтила императрицу подъ сводами террасы, выходящую отъ принцессы Фредерики. Она возвращалась съ прощальнаго визита отъ нея...

На другой день, утромъ, когда все было готово къ отъѣзду, дворъ великаго князя собрался, мы прошли черезъ садъ и прелестный цвѣтникъ до лужка, гдѣ стоялъ ея экипажъ. Послѣ раздирающихъ душу прощаній, великая княжна вскочила въ карету къ сестрѣ въ то время, когда дверцы уже закрывались и, поцѣловавъ ее еще разъ, она поспѣшно вышла, схватила мою руку и побѣжала со мной до развалины въ концѣ сада; она сѣла подъ дерево, положила мнѣ голову, предавшись горю. Когда же графиня Шувалова вмѣстѣ съ остальнымъ дворомъ подошли къ намъ, то великая княжна Елисавета тотчасъ поднялась, подавила слезы и медленно, съ совершенно спокойнымъ видомъ, пошла по направленію къ дому, уже въ такіе ранніе годы умѣя скрывать свое горе [2]). Эта сила заставляла ошибаться въ ея характерѣ всѣхъ тѣхъ, которые не хотѣли понять ее или считали ее холодной и безчувственной; мнѣ говорили объ этомъ, но я всегда отвѣчала молчаніемъ: бываютъ въ сердцѣ такіе святые и дорогіе уголки, говорить о которыхъ значитъ профанировать ихъ, и есть такія низкія и презрѣнныя мнѣнія, что они не стоятъ того, чтобъ ихъ оспаривать.

Приготовленія къ свадьбѣ великаго князя Александра начались тотчасъ по пріѣздѣ двора въ городъ; всѣ ожидали этого момента съ живымъ интересомъ. Наконецъ настало 29 сентября 1793 года [3]). Въ церкви Зимняго дворца было устроено возвышеніе, на которомъ должна была совершиться брачная церемонія, для того, чтобы всѣмъ было видно. Какъ только молодые встали на него, всѣми овладѣло

---

[1]) Она сдѣлалась впослѣдствіи супругой шведскаго короля Густава IV. Въ 1809 г. онъ былъ сверженъ съ престола.

[2]) «Je serai seule, seule, absolument seule sans avoir personne à qui mes petites penseés», писала Елисавета Алексѣевна матери въ это время.

[3]) Бракосочетаніе совершилось 28 сентября 1793 г. Великому князю Александру Павловичу не было еще 16 лѣтъ, а великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ шелъ всего 15-й годъ. «C'est Psyché unie à l'Amour», писала о нихъ Екатерина; на самомъ же дѣлѣ это были еще дѣти.

чувство умиленія; они были хороши, какъ ангелы. Оберъ-камергеръ Шуваловъ и князь Безбородко держали вѣнцы. Когда обрядъ вѣнчанія былъ конченъ, великій князь и великая княгиня сошли, держась за руку; великій князь сталъ затѣмъ на колѣни передъ императрицей, чтобы благодарить ее, но государыня подняла его, обняла и цѣловала, рыдая. Такую же нѣжность государыня выказала и по отношенію къ великой княгинѣ; затѣмъ молодые новобрачные поцѣловались съ великимъ княземъ-отцомъ и великой княгиней-матерью, которые тоже благодарили государыню. Великій князь Павелъ былъ глубоко тронутъ, что всѣхъ очень удивило. Въ то время онъ любилъ свою невѣстку, какъ настоящій отецъ.

Графъ Растопчинъ, долго пользовавшійся милостью великаго князя, разсказывалъ мнѣ, что однажды въ Гатчинѣ, въ разговорѣ о великой княгинѣ Елисаветѣ, великій князь Павелъ съ живостью замѣтилъ: «нужно отправиться въ Римъ, чтобы найти вторую Елисавету». Но все измѣнилось потомъ; нѣкоторыя несчастныя обстоятельства породили явленія, которыя могли возбудить сомнѣніе и придать видъ правды самымъ ужаснымъ клеветамъ. Такова судьба царственныхъ особъ: самыя законныя и естественныя изъ чувствъ постоянно подрываются людьми низкими, ловкими, льстивыми и жаждущими только того, чтобы сохранить царскую милость на счетъ истинно преданныхъ имъ людей.

Императоръ Павелъ болѣе другихъ опасался быть обманутымъ; его характеръ, становившійся все болѣе недовѣрчивымъ, былъ очень удобенъ для тѣхъ, кто желалъ его гибели. Его супруга, великая княгиня, хотя любила его, но своими стараніями вліять на него только больше раздражала его. Она окружила его интригами, которыя льстили его самолюбію, уничтожали доброту его характера. Она думала, что, спасая несчастныхъ, она исчерпывала всѣ свои обязанности благотворенія, и то же тщеславіе, которое уже столько разъ вредило ей, отравляло тѣ дѣла ея благотворительности, главнымъ источникомъ которыхъ должно быть доброе сердце. Она стала завидовать красотѣ, граціи и изяществу великой княгини Елисаветы, дружбѣ къ ней императрицы и особенно воздаваемымъ ей почестямъ. Перемѣну ея по отношенію ко мнѣ я могу приписать лишь особенной моей привязанности къ ея невѣсткѣ; ея доброта, милости ко мнѣ, продолжавшіяся 16 лѣтъ, обратились въ ненависть; она старалась погубить меня во мнѣніи великой княгини Елисаветы, увѣренная, что ничто не могло быть для меня болѣе чувствительнымъ [1]).

Въ день свадьбы былъ большой обѣдъ, вечеромъ—большой балъ въ парадной залѣ великаго князя Александра. Императрица, ве-

[1]) Гр. Головина не знала о планахъ Екатерины лишить Павла Петровича престолонаслѣдія, а, между тѣмъ, Марія Θеодоровна боялась вліянія Головиной на великокняжескую чету, видя въ ней агента императрицы.

ликій князь Павелъ Петровичъ и великая княгиня Марія Өеодоровна проводили молодыхъ до ихъ аппартаментовъ. На другой день былъ другой балъ въ большой галлереѣ у императрицы, затѣмъ слѣдовало еще нѣсколько празднествъ.

Пріѣздъ турецкаго посланника въ октябрѣ того же года представилъ очень красивое зрѣлище. Аудіенція, данная ему императрицей, была очень торжественна; начиная отъ дверей залы, въ которой его принимали, до трона, на которомъ возсѣдала императрица, стояли въ 2 ряда солдаты гвардейскаго полка, всѣ высокаго роста, одѣтые въ красные колеты, съ одной золотой звѣздой, украшенной русскимъ гербомъ, на груди, и другой—на спинѣ. Они образовали изъ себя густую цѣпь; у нихъ былъ черный плюмажъ, серебряныя каски и карабины. На государынѣ была надѣта императорская мантія и малая корона. Два церемоніймейстера открывали шествіе, держа въ рукахъ золотыя булавы съ двуглавымъ орломъ, за ними двое церемоніймейстеровъ вели посланника, богато одѣтаго; болѣе 50-ти турокъ несли подарки на восточныхъ подушкахъ.

Въ то время, когда дворъ переѣхалъ изъ Царскаго Села въ Таврическій дворецъ, въ которомъ онъ всегда проводилъ часть весны и осени, на мою долю выпала большая радость: свекровь моя просила у императрицы позволенія поблагодарить ее лично за сына; но она была слишкомъ стара и глуха, чтобы быть принятой во время церемоніи въ Зимнемъ дворцѣ, когда онъ былъ назначенъ гофмаршаломъ двора великаго князя Александра. Ея величество охотно согласилась оказать ей эту милость и приказала мнѣ привести ее во дворецъ съ собой послѣ обѣда. Мы вошли въ залъ за нѣсолько минутъ до прихода императрицы. Моя свекровь была женщиной умной и по всей справедливости пользовавшейся безупречной репутаціей. Во время ссылки и несчастій, которыя ея семья терпѣла въ заключеніи при Елисаветѣ Петровнѣ, она выказала большое мужество и душевную теплоту [1]). Она уже давно не была въ обществѣ, благодаря своей глухотѣ. Какъ только она показалась въ залѣ, раздались привѣтственные крики, ей цѣловали руки, оказывали ей всякіе знаки уваженія. Признаюсь совершенно искренно, что я была польщена и тронута этими выраженіями уваженія. Императрица встрѣтила ее очень ласково, поцѣловала ее и

[1]) Графиня Анастасія Степановна Головина была дочерью вице-адмирала Степана Васильевича Лопухина (ум. 1748 г.), двоюроднаго брата царицы Евдокіи, и жены его, извѣстной красавицы того времени, Натальи Өеодоровны, урожденной Балкъ. Въ началѣ царствованія императрицы Елисаветы родители Анастасіи Степановны замѣшаны были въ дѣло о заговорѣ противъ императрицы, и хотя участіе ихъ въ немъ не было вовсе доказано, они понесли жестокое наказаніе и сосланы были въ Сибирь; съ ними были дѣти ихъ. Анастасія Степановна чрезъ нѣсколько лѣтъ вызвана была въ Россію и вышла замужъ за графа Николая Александровича Головина, но отецъ ея умеръ въ Сибири, а мать съ сыномъ своимъ получила прощеніе лишь въ царствованіе Петра III.

приказала мнѣ быть ея толмачемъ, потому что было бы неловко, еслибъ государыня кричала ей на ухо. Я съ благодарностью повторяла всѣ милостивыя выраженія нашей государыни. Она повела насъ въ свои внутренніе покои, чтобы показать ихъ моей свекрови, которая воспользовалась отсутствіемъ публики, чтобъ броситься къ рукѣ ея величества, чтобъ выразить ей въ самыхъ трогательныхъ словахъ, какъ она была благодарна государынѣ за то, что она подумала о ея старости и объ ея сынѣ. Государыня была чрезвычайно тронута, я также: ничто не бываетъ такъ сладостно для нашего сердца, какъ чувство благодарности за любовь къ намъ и за участіе къ судьбѣ нашей. Возвратившись въ залъ, моя свекровь собралась уѣзжать, но ея величество задержала ее на весь вечеръ, составила ей партію въ бостонъ съ людьми, которые ей были наиболѣе пріятны, наслаждаясь веселостью, которую эта привѣтливая и уважаемая старушка распространяла вокругъ себя.

9-го мая дворъ переѣхалъ въ Царское Село. Этотъ отъѣздъ императрицы, хотя онъ совершался каждую весну, всегда производилъ большой эффектъ. Она ѣхала съ людьми, составлявшими ея интимный кружокъ, въ шестимѣстномъ экипажѣ, запряженномъ десятью красивыми конями, предшествуемая 6-ю курьерами, 12-ю гусарами, 12-ю лейбъ-казаками и въ сопровожденіи камеръ-пажей; пажи и конюхи были верхомъ. Какъ только экипажъ трогался съ мѣста, 100 пушечныхъ выстрѣловъ изъ Петропавловской крѣпости возвѣщали городу объ отъѣздѣ государыни. Народъ сбѣгался, всѣ экипажи были въ движеніи, всѣмъ хотѣлось увидѣть ея проѣздъ, съ ея отъѣздомъ всѣ становились угрюмы и тревожны, всѣ чувствовали непріятную пустоту; несмотря на то, что на другой день я должна была нагнать ее, я, вмѣстѣ съ другими, раздѣляла это чувство. Я была неспокойна, пока сама не поѣхала. Я сожалѣю, что царскій блескъ отъѣзда служилъ для всѣхъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ; но для воображенія необходимы такія величественныя картины: онѣ такъ отвѣчаютъ почтительности, которую каждый питаетъ къ государынѣ въ глубинѣ своего сердца. Я также жалѣю о пушечномъ выстрѣлѣ, возвѣщавшемъ намъ восходъ и заходъ солнца: это было какъ воспоминаніе о томъ концѣ и о той надеждѣ, которые всегда соединяются съ нашими мыслями. Императоръ Павелъ вывелъ этотъ обычай изъ употребленія.

Лѣтомъ 1794 г., когда я во второй разъ жила въ Царскомъ Селѣ, при дворѣ прибавилось нѣсколько новыхъ лицъ. Графъ Эстергази, агентъ французскихъ принцевъ, былъ принятъ государыней очень милостиво [1]). За его грубымъ тономъ скрывался корыстный, склон-

[1]) Отъ французскихъ принцевъ, разоренныхъ революціей, Эстергази не получалъ жалованья, и императрица пожаловала ему въ Волынской губерніи село Городекъ; сынъ его Владиславъ наслѣдовалъ это имѣніе и затѣмъ остался въ русскомъ подданствѣ.

ный къ интригамъ характеръ. Всѣ считали его открытымъ и прямодушнымъ человѣкомъ, но государыня недолго ошибалась въ немъ и только по своей добротѣ терпѣла его. Онъ замѣтилъ это и сталъ слугой Зубова, который и поддержалъ его. Его жена была женщина добрая и благодарная къ своимъ прежнимъ повелителямъ, обхожденія прямого, ровнаго и свободнаго. Графъ Штакельбергъ [1]), нашъ прежній посолъ въ Варшавѣ, гдѣ онъ игралъ важную роль, отлично умѣлъ угадывать духъ общества; онъ былъ ловкій царедворецъ и преданъ Зубову. Графъ Ѳедоръ Головкинъ, хотя былъ ничтожной личностью, но нѣкоторое время игралъ извѣстную роль [2]). Это былъ злой и наглый лжецъ, не лишенный смѣлости; шутя и забавляя, онъ понемногу достигъ высшихъ чиновъ, но его вліяніе продолжалось недолго: насмѣшка и клевета были изгнаны въ кружкѣ императрицы, которая не терпѣла ихъ. Графъ Головкинъ сталъ чтецомъ и лакеемъ Зубова, другомъ сердца и довѣреннымъ лицомъ графини Шуваловой. Зубовъ выхлопоталъ ему мѣсто посланника въ Неаполѣ, но его дурное поведеніе заставило отозвать его оттуда; онъ былъ даже высланъ на нѣкоторое время. Три сестры, княжны Голицыны [3]), назначенныя фрейлинами при великой княгинѣ Елисаветѣ незадолго до ея свадьбы, также послѣдовали за дворомъ въ Царское Село.

Природа была такъ оживлена, что придавала невыразимую прелесть обаянію весны. Это время года всегда какъ бы соединяетъ всѣ чувства, воспоминанія возвращаются съ новой силой; въ это время дышишь для того только, чтобы чувствовать благоуханія, еще съ большей любовью любить то, что долженъ любить, но, среди этого разнообразія чувствъ, появляется какая-то тревога, которая можетъ стать опасной для сердца, жаждущаго пищи.

Великая княгиня Елисавета выросла и похорошѣла. Она обращала на себя вниманіе всѣхъ: ея ангельское лицо, ея стройная, граціозная фигура, легкая поступь, заставляли всякій разъ восхищаться ею. Когда она входила къ императрицѣ, всѣ взоры устремлялись на нее. Я наслаждалась ея торжествомъ, но съ нѣкоторымъ

---

[1]) Графъ Оттонъ Магнусъ Штакельбергъ (р. 1736, ум. 1800), д. т. с.

[2]) Р. 1770 г., ум. 1820 г., камеръ-юнкеръ, затѣмъ посланникъ въ Неаполѣ въ 1794—1795 гг. Оставилъ послѣ себя записки.

[3]) Княжны Марья (р. 1773, ум. 1826), Софья (р. 1776) и Елисавета (р. 1777, ум. 1835) Алексѣевны Голицыны, дочери кн. Алексѣя Борисовича, генералъ-майора, и жены его Анны Егоровны, урожд. княжны Грузинской. Княжны Голицыны были племянницами извѣстной княгини Натальи Петровны Голицыной, ур. Чернышевой, «princesse moustache», и вышли затѣмъ замужъ: княжна Марья—за графа Петра Александровича Толстого, генерала отъ кавалеріи, княжна Софья—за пэра Франціи, русскаго дѣйств. ст. сов., графа Карла Сенъ-При, и княжна Елисавета—за графа Александра Ивановича Остермана-Толстого, генералъ-адъютанта, героя 1812 года и Кульма.

опасеніемъ: я желала бы, чтобы на нее болѣе были обращены взгляды великаго князя Александра, чѣмъ кого либо другаго.

Каждый вечеръ мы совершали прогулки, все время продожалась чудная погода; государыня останавливалась около ограды или колоннады. Заходъ солнца, тишина въ воздухѣ, благоуханіе цвѣтовъ, все это ласкало чувства. Что за время—молодость! Въ ней столько меду, смѣшаннаго съ ядомъ!

V.

Супружеская жизнь великаго князя Александра Павловича и великой княгини Елисаветы Алексѣевны.—Отношенія ихъ къ гр. Головиной.—Графиня Толстая.—Прогулка къ колонистамъ.—Игры и развлеченія въ Царскомъ Селѣ. — Увлеченія Зубова и интриги при дворѣ. — Отношенія къ Головиной великой княгини Елисаветы Алексѣевны.—Графъ Штакельбергъ.

Ничто не могло быть интереснѣе и красивѣе прелестной пары: великаго князя Александра и великой княгини Елисаветы. Ихъ можно было сравнить съ Амуромъ и Психеей. Окружающіе замѣчали, что по чувствамъ они вполнѣ отвѣчали другъ другу. Великій князь дѣлалъ тогда мнѣ честь удостоивать меня особеннаго своего довѣрія. Утромъ мы всегда гуляли втроемъ: и мужъ, и жена одинаково желали меня видѣть. Если супруги слегка ссорились между собой,—меня же звали быть судьей. Помню, что послѣ одной изъ ихъ размолвокъ они приказали мнѣ прійти на слѣдующее утро въ 7 часовъ въ нижній этажъ дворца, въ аппартаменты моего дяди, которые выходили въ паркъ. Я отправилась туда въ назначенный часъ. Оба они вышли на террасу. Великій князь вошелъ черезъ окно, велѣлъ передать стулъ, вышелъ, заставилъ меня выскочить; словомъ, сдѣлалъ все, чтобы придать видъ приключенія самому обыкновенному факту. Они взяли меня за руку, отвели въ бывшій эрмитажъ въ глубину сада, усадили на столъ, и засѣданіе было открыто. Оба говорили одновременно. Приговоръ состоялся въ пользу великой княгини, которая была совершенно права. Великому князю надо было признаться въ своей винѣ. Онъ это сдѣлалъ. Покончивъ съ серьезнымъ дѣломъ, мы очень весело пошли далѣе.

Въ продолженіе этого лѣта мы дѣлали прелестныя прогулки. Императрица желала только одного: видѣть своихъ внуковъ счастливыми и довольными. Она позволяла великому князю Александру и великой княгинѣ гулять вездѣ, гдѣ бы они ни пожелали, даже и послѣ обѣда. Какъ-то разъ велѣли приготовить охоту въ Красномъ Селѣ. Эта деревня приходится въ небольшомъ разстояніи отъ Дудергофа, трехъ очень возвышенныхъ пригорковъ, изъ которыхъ два покрыты густымъ лѣсомъ. На нихъ ростутъ прелестные цвѣты, гербаристы собираютъ тамъ очень интересныя коллекціи. Средній при-

горокъ покрытъ менѣе густымъ лѣсомъ. На вершинѣ его построена финская деревня, а лютеранская церковь придаетъ ему отшельническій видъ и дѣлаетъ это мѣсто очень живописнымъ. Мы вернулись во дворецъ въ самый жаръ, пророчившій сильную грозу, и пообѣдали съ большимъ аппетитомъ. Едва только вышли мы изъ-за стола, какъ вдругъ раздался сильнѣйшій ударъ грома; блеснувшая молнія ослѣпила насъ. Сильный и хорошій дождь лилъ перпендикулярно. Пошелъ также градъ. Великая княгиня бѣгала за градинами, которыя катились въ комнату черезъ трубу камина. Вся эта суета, безпокойство охотниковъ, всѣ разнообразныя волненія очень забавляли великую княгиню и меня. Фрейлина княгиня Голицына скрылась въ спальнѣ: она сильно боялась грозы. Молодая графиня Шувалова отправилась съ ней вмѣстѣ, но мать послѣдней ходила то къ нимъ, то къ намъ. Великая княгиня и мы были проникнуты чувствами, составлявшими наше общее наслажденіе: гроза, громъ и молнія представляли намъ прекрасное зрѣлище. Облокотившись на окно, мы любовались явленіями природы. Обѣ мы были въ амазонкахъ и черныхъ касторовыхъ шляпахъ. Шляпа великой княгини была украшена стального цвѣта лентой, которую она приколола на мою, чтобы обмѣнить ихъ незамѣтнымъ образомъ. Ея высочество взяла мою шляпу, а мнѣ дала свою. Все это произошло молча. Въ тотъ же день она дала мнѣ маленькую, предназначенную мнѣ записку, которая еще хранится у меня въ медальонѣ съ ея портретомъ и волосами.

Ничто не можетъ быть пріятнѣе перваго проявленія чувства дружбы, ничто не должно останавливать его хода. Довѣріе, это увлеченіе дружбы, эта чистая невинность юности, походитъ на цвѣтникъ съ постоянно возрождающимися цвѣтами. Любятъ безъ страха и угрызеній совѣсти. Какое счастіе, можно сказать даже болѣе, владѣть такимъ чувствительнымъ сердцемъ, дружба котораго внушаетъ спокойствіе и увѣренность.

Гроза прошла. За ней слѣдовала самая невозмутимая тишина. Воздухъ былъ мягкій и пріятный. Все содѣйствовало къ тому, чтобы сдѣлать нашу прогулку пріятною. Въ продолженіе нѣкотораго времени охотились, потомъ взобрались на первый пригорокъ. Съ вершины его мы открывали прелестные виды. Цвѣты и земляника, казалось, росли подъ нашими ногами. Мы пошли потомъ на самый лѣсистый пригорокъ. Въ сторонѣ находился птичникъ для фазановъ, окруженный очень густыми деревьями, около которыхъ мы увидали тропинку, ведущую до вершины. Великой княгинѣ хотѣлось туда взобраться, но эта тропинка была слишкомъ камениста и крута. Придумали совершенно новый способъ ее туда доставить: около птичника нашли мы финскую телѣжку, запряженную лошадью, и предложили этотъ экипажъ великой княгинѣ, которая приняла его съ радостію. Ее усадили въ него со мной, съ княжной Голицыной

и съ молодой графиней Шуваловой. Камергеры и камеръ-юнкеры помогали лошади: одни тянули ее за узду, другіе толкали телѣжку. Великій князь и нѣкоторые придворные были верхомъ. Многочисленная толпа и финская телѣжка напоминали волшебныя сказки и, казалось, скрывали какую-то тайну: въ жизни все таинственно, даже финская телѣжка. Прогулка продолжалась долго. Мы вернулись въ открытыхъ экипажахъ. Вечеръ былъ восхитительный. Природа представляла совершенно особое зрѣлище: свѣтъ смѣнился сумерками; всѣ предметы, пригорки, деревья, колокольни, обрисовывались черной тѣнью на чистомъ и сѣроватомъ небѣ. Говорили мало, но каждый наслаждался по-своему.

Графиня Толстая [1]), жена камергера великаго князя, жила въ Царскомъ Селѣ. Она еще не была принята при дворѣ, но имѣла позволеніе бывать у великой княгини въ качествѣ приближенной къ ея двору. Я знала ее съ дѣтства, но мало. Она была мнѣ родственницей по мужу, а графъ Толстой въ это время былъ у ногъ моихъ. Онъ привезъ ее ко мнѣ, сказавъ: «Дарю вамъ свою жену». Она была справедливо оскорблена его словами, поставившими меня въ неловкое положеніе и установившими между нами нѣкоторое стѣсненіе, къ счастію, недолго продолжавшееся. Она были красива и симпатична, но несчастныя обстоятельства ея жизни усилили ея чрезмѣрную природную застѣнчивость. Когда мы оставались однѣ, она обыкновенно хранила молчаніе; наконецъ, лаской и предупредительностію я достигла того, что она привыкла ко мнѣ, была со мной откровенна и полюбила меня всѣми силами своего сердца. Наше сближеніе перешло въ настоящее чувство; испытанія, черезъ которыя мы прошли обѣ вмѣстѣ, только укрѣпили дружбу, которая не должна и не можетъ прекратиться. Утромъ мы гуляли вмѣстѣ въ окрестностяхъ Царскаго Села. Какъ-то разъ ея высочество пригласила меня отправиться въ деревню колонистовъ, находившуюся въ двѣнадцати верстахъ отъ дворца. Мы нашли ее прелестной и описали великому князю и великой княгинѣ подробности этой прогулки. Ихъ императорскимъ высочествамъ хотѣлось также совершить ее, и они получили позволеніе императрицы. Рѣшено было, что они для большей свободы пойдутъ инкогнито подъ нашимъ покровительствомъ. Великая княгиня должна была выдавать себя за m-lle Herbil, свою горничную, а великій князь — за моего племянника. Въ восемь часовъ утра великая княгиня сѣла со мной и графиней Толстой въ маленькую почтовую телѣжку, принадлежавшую послѣдней. Мужъ мой помѣстился въ собственномъ англійскомъ

---

[1]) Графиня Анна Ивановна, урожденная княжна Барятинская, дочь князя Ивана Сергѣевича отъ супружества его съ принцессой Екатериной Петровной Голштейнъ-Бекской. Она — родная тетка фельдмаршала Александра Ивановича Барятинскаго. Ум. 1825 г., въ Парижѣ и погребена на кладбищѣ le Calvoire du Mont-Valérien».

кабріолетѣ вмѣстѣ съ великимъ княземъ. Пріѣхавъ къ m-lle Vilbade (фамилія хозяйки дома, куда мы вошли), великая княгиня была погружена въ воспоминанія: это жилище и одежда напоминали крестьянъ ея родины. Семейство Вильбадъ состояло изъ мужа, жены, сына съ женой и ребенкомъ и молодой дѣвушки. Пригласили двухъ сосѣдей и играли вальсы съ береговъ Рейна. Музыка и вся обстановка сдѣлали большое впечатлѣніе на великую княгиню, но къ наслажденію ея примѣшивалась легкая грусть. Мужъ мой отвлекъ ее отъ этого чувства, сказавъ:

— M-lle Herbil, вы слишкомъ лѣнивы, пора готовить завтракъ. Пойдемте въ кухню, вы нарѣжете петрушки для яичницы, которую мы сейчасъ сготовимъ.

Великая княгиня послушалась и взяла свой первый кулинарный урокъ. На ней было бѣлое утреннее платье, маленькая соломенная шляпа прикрывала ея прекрасные бѣлокурые волосы. Принесли массу розъ; мы сдѣлали изъ нихъ гирлянду и украсили ею ея шляпу. Она была мила, какъ ангелъ. Великій князь Александръ съ трудомъ сдерживалъ свою серьезность при видѣ моего мужа, который былъ въ шляпѣ и имѣлъ очень смѣшной видъ. Мы попробовали превкусной яичницы. Масло и очень густыя сливки закончили завтракъ. Въ углу комнаты находилась люлька со спящимъ ребенкомъ. Молодая мать изрѣдка ходила покачивать его. Великая княгиня, замѣтивъ это, встала на колѣна, покачала дитя, и глаза ея наполнились слезами. Она будто предчувствовала тяжелыя испытанія, которыя готовило ей будущее. Это смѣшеніе веселости и простоты придало много оживленія нашей утренней прогулкѣ. Возвратный путь былъ очень интересенъ. Сильный теплый дождь лилъ потоками. Мы посадили великаго князя въ коляску подъ кожу, прикрывавшую наши ноги. Болѣе трехъ лицъ не могло усѣсться внутри коляски, и, несмотря на всѣ наши старанія, онъ промокъ до костей. Это не уменьшило нашей веселости, и мы долго съ удовольствіемъ вспоминали про эту прогулку.

Г-жа Вильбадъ, пріѣзжая иногда въ городъ по своимъ дѣламъ, привозила мнѣ масло. Я попросила ее привезти его также моему такъ называемому племяннику. «Я не знаю, гдѣ онъ квартируетъ», сказала она. Я отвѣчала, что велю ее проводить. Одинъ изъ моихъ слугъ отвелъ ее во дворецъ. Когда она узнала истину, съ ней едва не сдѣлалось дурно отъ удивленія и счастія. Великій князь далъ ей сто рублей и одежду для ея мужа. Помнится, эта небольшая пенсія выдавалась ей въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Удовольствіямъ и конца не было. Императрица старалась сдѣлать Царское Село какъ можно болѣе пріятнымъ. Придумали бѣгать въ запуски на лугу передъ дворцомъ. Было два лагеря: Александра и Константина. Розовый и голубой флаги съ серебряными, вышитыми на нихъ инициалами, служили отличіемъ. Какъ и слѣдо-

вало, я принадлежала къ лагерю Александра. Императрица и лица не игравшія сидѣли на скамейкѣ, противъ аллеи, окаймлявшей лугъ. Великая княгиня Елисавета вѣшала свою шляпу на флагъ, прежде чѣмъ пуститься бѣжать. Она едва касалась земли, до того была легка; воздухъ игралъ ея волосами, она опережала всѣхъ дамъ. Ею любовались и не могли достаточно наглядѣться на нее. Игры нравились всѣмъ: въ нихъ охотно принимали участіе. Императрица, которая была олицетворенная доброта, замѣтила, что камергеры и камеръ-юнкеры, дежурившіе при ней два раза въ недѣлю, съ сожалѣніемъ видѣли конецъ своей службы. Она позволила имъ остаться въ Царскомъ Селѣ, сколько они пожелаютъ. Ни одинъ изъ нихъ не оставилъ его въ продолженіе всего лѣта. Князь Платонъ Зубовъ принималъ участіе въ играхъ. Грація и прелесть великой княгини Елисаветы произвели на него въ скоромъ времени сильное впечатлѣніе. Какъ-то вечеромъ, во время игры, подошелъ къ намъ великій князь Александръ, взялъ за руку меня, также какъ и великую княгиню, и сказалъ: «Зубовъ влюбленъ въ мою жену». Эти слова, произнесенныя въ ея присутствіи, очень огорчили меня. Я выразилась, что эта мысль не можетъ имѣть никакихъ основаній, и прибавила, что если Зубовъ способенъ на подобное сумасшествіе, слѣдовало его презирать и не обращать на то ни малѣйшаго вниманія. Но это было слишкомъ поздно: эти несчастныя слова уже нѣсколько смутили сердце великой княгини. Она была сконфужена, а я чувствовала себя несчастной и была въ безпокойствѣ: ничто не можетъ быть болѣе безполезно и опасно, какъ дать замѣтить молодой женщинѣ чувство, которое должно непремѣнно ее оскорбить. Чистота и благородство души не позволяютъ ей его замѣтить, но удивленіе смѣняется неловкостію, которую можно истолковать въ неблагопріятномъ для нея смыслѣ. Послѣ игръ я, по обыкновенію, ужинала у ихъ императорскихъ высочествъ. Открытіе великаго князя все бродило у меня въ головѣ. На другой день мы должны были обѣдать у великаго князя Константина въ его дворцѣ, въ Софіи. Я поѣхала къ великой княгинѣ съ цѣлію сопровождать ее. Ея высочество сказала мнѣ: «пойдемте скорѣе подальше отъ другихъ: мнѣ нужно вамъ кое-что сказать». Я повиновалась: она подала мнѣ руку. Когда мы были довольно далеко, и насъ не могли слышать, она сказала мнѣ: «Сегодня утромъ графъ Растопчинъ былъ у великаго князя съ цѣлію подтвердить ему все замѣченное относительно Зубова. Великій князь повторилъ мнѣ его разговоръ съ такой горячностью и безпокойствомъ, что со мной едва не сдѣлалось дурно. Я въ высшей степени смущена; не знаю, что мнѣ дѣлать; присутствіе Зубова будетъ стѣснять меня навѣрное».—«Ради Бога,—отвѣчала я ей,—успокойтесь. Все это такъ сильно дѣйствуетъ на васъ, благодаря вашей молодости; вамъ не надо испытывать ни стѣсненія, ни безпокойства.

Имѣйте достаточно силы воли позабыть все сказанное, и это пройдетъ само собою». Великая княгиня немного успокоилась, и обѣдъ сошелъ довольно хорошо. Вечеромъ мы вошли къ императрицѣ. Я застала Зубова въ мечтательномъ настроеніи, безпрестанно бросавшаго на меня томные взоры, которые онъ переносилъ потомъ на великую княгиню. Вскорѣ несчастное сумасбродство Зубова стало извѣстно всему Царскому Селу. Тогда на меня старались подѣйствовать повѣренные Зубова и его шпіоны. Графиня Шувалова была первая, кому Зубовъ признался въ своихъ чувствахъ. Графъ Головкинъ, графъ Штакельбергъ, Колычевъ — камергеръ, а впослѣдствіи гофмейстеръ двора [1]), княжны Голицыны, фрейлины, и докторъ Бекъ [2]) сдѣлались моими надсмотрщиками. Они ежедневно давали отчетъ въ своихъ наблюденіяхъ графу Салтыкову. Наши прогулки и разговоры съ великой княгиней, ея малѣйшее вниманіе ко мнѣ, все подвергалось наблюденію: объ этомъ толковали, видоизмѣняли и, черезъ Салтыкова, передавали императрицѣ Маріи. Я была окружена цѣлымъ легіономъ враговъ, но чистая совѣсть придавала мнѣ силу, и я такъ была проникнута своимъ чувствомъ къ великой княгинѣ Елисаветѣ, что, вмѣсто того, чтобы испытывать безпокойство, удвоила свои старанія и, если можно такъ выразиться, стала смѣлѣе. Покровительство императрицы, ея доброта ко мнѣ и довѣріе великаго князя устраняли всякое стѣсненіе. Эти обстоятельства только укрѣпили расположеніе великой княгини ко мнѣ: мы почти не разставались; сердце ея ввѣряло моему всѣ свои чувства. Я проникалась этимъ довѣріемъ, была имъ тронута, и ея репутація становилась цѣлью моего счастія. Ничто не можетъ быть увлекательнѣе перваго довѣрія души: оно подобно источнику чистой воды, который ищетъ проложить себѣ новое русло, пока не найдетъ мѣста, гдѣ можетъ распространиться, выйти наружу и освободиться отъ стѣсняющихъ его береговъ.

Вниманіе Зубова ко мнѣ увеличивалось и все болѣе и болѣе возстановляло меня противъ него. Онъ постоянно шептался съ графиней Шуваловой, что заставляло меня презирать ихъ обоихъ. Между другими повѣренными Зубова былъ итальянецъ Санти, артистъ на гитарѣ. Я его знала: онъ пріѣзжалъ играть ко мнѣ. Должность его заключалась въ томъ, чтобы наблюдать за моими прогулками въ саду съ великой княгиней и указывать ихъ направленіе своему влюбленному покровителю, чтобы онъ могъ насъ встрѣтить. Эта игра удавалась иногда. Г. Зубовъ подходилъ къ намъ съ низкимъ поклономъ, онъ застѣнчиво и томно подымалъ свои

---

[1]) Колычевъ, Степанъ Степановичъ, камергеръ, въ 1796 г. вице-президентъ придворной конторы

[2]) Иванъ Филиповичъ Бекъ, лейбъ-медикъ, т. с., докторъ медицины и хирургіи. Лейбъ-медики и прочіе придворные врачи не чуждались въ XVIII в. придворныхъ интригъ и даже играли въ нихъ главную роль.

черные глаза и тѣмъ только смѣшилъ меня; поэтому, какъ только мы отходили отъ него, я давала волю всей моей веселости: сравнивала его съ волшебнымъ фонаремъ и старалась, въ особенности, выказать его въ смѣшномъ видѣ въ глазахъ великой княгини.

Какъ-то утромъ, гуляя одна въ саду, я встрѣтила графа Штакельберга. Онъ подошелъ и заговорилъ со мной поспѣшно и дружески, какъ дѣлалъ это всегда съ тѣми, кому хотѣлъ оказать расположеніе.—«Другъ мой, дорогая графиня, — сказалъ онъ мнѣ,—чѣмъ болѣе вижу эту восхитительную Психею, тѣмъ болѣе теряю голову! Она несравненна, но я замѣчаю у нея недостатокъ».—«Скажите, какой? прошу васъ». — «Сердце ея недостаточно чувствительно. Она дѣлаетъ такъ много несчастныхъ, а не цѣнитъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ, самаго почтительнаго вниманія». — «Вниманія кого?» — «Того, кто боготворитъ ее».—«Вы съ ума сошли, дорогой графъ, и вы меня худо знаете. Идите къ графинѣ Шуваловой: она васъ лучше пойметъ, и знайте разъ навсегда, что слабость такъ же далека отъ сердца Психеи, какъ ваши слова граничатъ съ низостью». Окончивъ эти слова, я подняла глаза на окна комнатъ Зубова и увидала его на балконѣ. Взявъ Штакельберга подъ руку, я подвела его къ нему: «Вотъ,—сказала я,—молодой человѣкъ, который съ ума сошелъ. Велите скорѣе пустить ему кровь. Въ ожиданіи этого, разрѣшаю вамъ разспросить у него всѣ подробности нашего разговора». Признаюсь, я ихъ оставила съ нѣкоторымъ чувствомъ самоудовлетворенія.

Графиня В. Головина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

